

УДК 94(37).07

**ЖЕНЩИНЫ В «ДЕЯНИЯХ» АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА:
К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ «ПОСЛЕДНИХ РИМЛЯН»**

**WOMEN IN AMMIANUS MARCELLINUS' «RES GESTAE»:
ON THE ISSUE OF GENDER REPRESENTATIONS OF THE «LAST ROMANS»**

В.А. Дмитриев

V.A. Dmitriev

Псковский государственный университет, Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, 2

Pskov State University, 2 Lenina St., Pskov, 180000, Russia

E-mail: dva_psk@mail.ru

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, женщины, гендерные представления, Древний Рим, Поздняя Римская империя, гендерная история.

Key words: Ammianus Marcellinus, women, gender representations, Ancient Rome, The Later Roman Empire, gender history.

Аннотация. В статье анализируются гендерные представления одного из «последних римлян» – Аммиана Марцеллина – как выразителя взглядов позднеримской языческой элиты. Для историка было характерно типичное для античности архаичное восприятие женщины как существа более низкого по сравнению с мужчиной порядка. В общественной жизни Рима женщины, с точки зрения Аммиана, играли в целом отрицательную роль, не выполняя предписанные им социальные функции и подчас копируя мужские модели поведения. При этом если римские матроны и царствующие особы, хотя и редко, все же вызывают у автора «Деяний» определенное уважение, то характеристики представительниц низших слоев общества почти всегда имеют негативный характер. Заметное влияние на систему гендерных представлений Аммиана оказала его явная склонность к морализму, проявляющаяся в завышенных ожиданиях относительно нравов римского общества и вытекающей отсюда резкой критике образа жизни современных ему римлян – не только женщин, но и мужчин.

Resume. The article contains the analysis of gender representations of Ammianus Marcellinus as the spokesman of the Late Roman pagan elite and one of “the last of the Romans”. The typical archaic perception of women as the beings of lower level than men was the characteristic feature of Ammianus’ worldview. According to Ammianus, the Roman women in general played a negative role in public life, did not discharge their social functions and sometimes copied men’s behavior models. Moreover, if the Roman matrons and women who were the members of ruling families, deserved certain Ammianus’ respect, the characteristics of members of lower social classes have almost always negative nature. The system of Ammianus’ gender representations was also under the strong influence of author’s tendency towards moralism. This have resulted in Ammianus’ excessive (essentially – unrealizable) moral expectations from Roman society and, hence, the sharp criticism of lifestyle of historian’s contemporaries, not only women but also men.

Изучение античной цивилизации с точки зрения гендерной истории достаточно давно и плодотворно осуществляется как в зарубежной, так и российской историографии. Одним из направлений в рамках данной области исследований является гендерно-исторический анализ античных письменных источников, в том числе – произведений греко-римских писателей-историков. В связи с этим по-своему парадоксален тот факт, что практически вне поля зрения отечественных специалистов до сих пор оставались «Деяния» Аммиана Марцеллина (ок. 330–ок. 400), являющиеся одним из важнейших источников по истории Поздней Римской империи.

В данном отношении значительно лучше дело обстоит в зарубежной историографии, где имеется ряд исследований, рассматривающих труд Аммиана сквозь призму гендерной истории¹. В то же время, следует отметить, что иностранных коллег

¹ Karau L. Das Bild der Frauen in den “Res Gestae” des Ammianus Marcellinus. Diss. Berlin, 1971; Sabbah G. Présences féminines dans l’Histoire d’Ammien Marcellin. Les rôles politiques // *Cognitio gestorum. The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus. Proceedings of the Colloquium, Amsterdam, 26–28 August 1991* / Ed.

преимущественно интересовали сюжеты, скорее, просопографического характера, связанные с конкретными представительницами императорских семейств и тем, какую роль они играли в политике, проводимой их родственниками-мужчинами; комплексного же анализа «гендерного текста» Аммиана Марцеллина эти исследования не содержат.

Говоря о труде Аммиана Марцеллина как источнике по гендерной истории, нужно иметь в виду, что, хотя Аммиан и жил в период, когда христианство уже превратилось в официальную религию Римской империи, и христиане составляли если не большую, то весьма значительную часть подданных римских императоров², он, тем не менее, был типичным представителем «последних римлян» – языческой интеллектуальной элиты ушедшего в прошлое античного Рима³, и разделял свойственные людям этого круга взгляды и установки. Последние же, в свою очередь, вытекали из традиционного мировоззрения римского социума, сформировавшегося задолго до эпохи, в которую жил и творил автор «Деяний». Это замечание важно в том плане, что, являясь носителем традиционных римских ценностей, Аммиан Марцеллин, как и подавляющее большинство античных авторов, демонстрирует сугубо мужской взгляд на жизнь римского общества⁴. В связи с этим в своем произведении он уделяет внимание лишь тем представительницам противоположного пола, поступки которых в той или иной мере оказали влияние на судьбы главных героев «Деяний» – мужчин. Иначе говоря, для Аммиана женщины как самостоятельные субъекты общественно-политической жизни не существуют.

На страницах сочинения Аммиана Марцеллина мы встречаем следующие женские персонажи (в алфавитном порядке их имен):

1. Анепсия (*Anepsia*) – жена Викторина, являвшегося, в свою очередь, близким другом префекта претория Галлии (371–376) Максимиана (Amm. Marc. XXVIII. 1. 34, 35, 49, 50, 54, 56)⁵.

2. Ассирия (*Assyria*) – жена командующего пехотой (*magister peditum*) Барбациона (Amm. Marc. XVIII. 3. 2–4)⁶.

3. Гезихия (*Hesychia*) – римская матрона (*quaedam matrona*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 47)⁷.

4. Гиспанилла (*Hispanilla*) – девушка, руки которой добивался некий адвокат Марин (Amm. Marc. XXVIII. 1. 14).

5. Евсевия (*Eusebia*) – вторая жена императора Констанция II (337–361) (Amm. Marc. XV. 2. 8; XVI. 10. 18; XXI. 6. 4)⁸.

6. Елена (*Helena*) – жена императора Юлиана (361–363), дочь императора Константина Великого, сестра императора Констанция II и Константины (жены цезаря Галла) (Amm. Marc. XV. 8. 18; XVI. 10. 18, 19; XXI. 1. 5)⁹.

7. Кларита (*Claritas*) – знатная римлянка (*femina... originis altae*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28)¹⁰.

8. Константина (*Constantina*) – жена цезаря Галла (351–354), дочь императора Константина Великого (306–337), сестра императора Констанция II и Елены (жены императора Юлиана) (Amm. Marc. XIV. 1. 2, 3, 8; 7. 4; 11. 6; XXI. 1. 5)¹¹.

by J. den Boeft, D. den Hengst, H. C. Teitler. Amsterdam; Oxford; N.Y.; Tokyo, 1992. P. 91–105; Wieber-Scariot A. Zwischen Polemik und Panegyrik. Frauen des Kaiserhauses und Herrscherinnen des Ostens in den “Res gestae” des Ammianus Marcellinus. Trier, 1999; Tougher S. Ammianus Marcellinus on the Empress Eusebia: A Split Personality? // Greece & Rome. 2000. Vol. 47. № 1. P. 94–101.

² Hopkins K. Christian Number and Its Implications // Journal of Early Christian Studies. 1998. Vol. 6.2. P. 185–226.

³ Уколова В. И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987. С. 5; Уколова В. И. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. С. 35–37.

⁴ Drijvers J.W. Review: Anja Wieber-Scariot: Zwischen Polemik und Panegyrik. Frauen des Kaiserhauses und Herrscherinnen des Ostens in den Res gestae des Ammianus Marcellinus. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier 1999. 464 S. (Bochumer Altertumswissenschaftliches Colloquium. 41.) // Gnomon. 2003. Bd. 75. S. 566.

⁵ Anepsia // Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. A.D. 260–395 (далее – PLRE. Vol. 1. – В. Д.). Cambridge, 1971. P. 66.

⁶ Assyria // PLRE. Vol. 1. P. 118.

⁷ Barnes T. D. More Missing Names (A. D. 260–395) // Phoenix. 1973. Vol. 27. № 2. P. 144.

⁸ Eusebia // PLRE. Vol. 1. P. 300–301.

⁹ Helena 2 // PLRE. Vol. 1. P. 409–410.

¹⁰ Claritas // PLRE. Vol. 1. P. 206.

¹¹ Constantina 2 // PLRE. Vol. 1. P. 222.

9. Констанция (*Constantia*) – дочь Констанция II и Фаустины, жена императора Грациана (375–383) (Amm. Marc. XXI. 15. 6; XXVI. 7. 10; 9. 3; XXIX. 6. 7, 8)¹².

10. Максима (*Maxima*) – жена Хилона, викария (368) и проконсула Африки (375) (*Chilo ex vicario et coniux eius Maxima nomine*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 8, 9)¹³.

11. Олимпиада (*Olympias*) – невеста императора Константа (337–350), впоследствии – жена армянского царя Аршака II (350–367) (Amm. Marc. XX. 11. 3)¹⁴.

12. Фаузиана (*Fausiana*) – знатная римлянка (*femina non obscura*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 48, 49)¹⁵.

13. Фаустина (*Faustina*) – третья (и последняя) жена императора Констанция II (Amm. Marc. XXI. 6. 4; XXVI. 7. 10)¹⁶.

14. Флавиана (*Flaviana*) – знатная римлянка (*femina... originis altae*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28)¹⁷.

Ряд женщин Аммиан упоминает анонимно, без указания их имен:

1. Теща Клематия (*Clematii ...socrus*) (Amm. Marc. XIV. 1. 3), являвшегося ок. 353/354 г. наместником Палестины¹⁸.

2. «Женщина низкого происхождения» (*mulier vilis*) (Amm. Marc. XIV. 7. 4).

3. Жена некоего Дана (Amm. Marc. XVI. 8. 3)¹⁹.

4. «Подкупленная повивальная бабка» (*obstetrix corrupta mercede*) (Amm. Marc. XVI. 10. 19).

5. Девушка-рабыня, принадлежавшая Ассирии (см. выше) (Amm. Marc. XVIII. 3. 2, 3).

6. Жена Антонина, протектора, бежавшего в 359 г. к персам²⁰ (Amm. Marc. XVIII. 5. 3, 3).

7. Жена Краугазия²¹, знатного жителя Нисибиса, перешедшего на сторону персов (*Craugasii Nisibeni cuiusdam uxorem, in municipali ordine genere, fama, potentiaque circumspetti*) (Amm. Marc. XVIII. 10. 1–4; XIX. 9. 3–8).

8. «Знатная девушка» (*splendida virgo*) (Amm. Marc. XIX. 9. 7).

9. Жена Ормизда, сына сасанидского царевича, носившего то же имя и бежавшего из Персии в Рим²², являвшаяся «богатой и знатной матроной» (*matrona opulenta et nobilis*) (Amm. Marc. XXVI. 8. 12)²³.

10. Дочь Анепсии (см. выше) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 35).

11. Жена Апаудула, раба Анепсии (*Apaudulus nomine servus Anepsiae*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 49).

12. Рабыня Агинация, викария Рима (368–370), казненного в 375 (376) г. (Amm. Marc. XXVIII. 1. 56)²⁴.

13. Мать императора Грациана (Amm. Marc. XXVIII. 1. 57).

Как мы видим, в приведенных перечнях абсолютно преобладают представительницы римской элиты: из 27 персоналий лишь пять (№№ 2, 4, 5, 11, 12 второго списка) не относятся к высшим слоям общества, а из 14 женщин, чьи имена Аммиан называет (тем самым, выделяя их из общей массы лиц женского пола), шесть, т.е. около половины, вообще являются представительницами правящей династии. Кроме того, поименно Аммиан Марцеллин упоминает исключительно аристократок, в то время как в списке анонимных женских персонажей аристократическое происхождение мы

¹² Constantia 2 // PLRE. Vol. 1. P. 221.

¹³ Maxima 1 // PLRE. Vol. 1. P. 572.

¹⁴ Olympias 1 // PLRE. Vol. 1. P. 642.

¹⁵ Barnes T. D. More Missing Names (A. D. 260–395). P. 144; Boeft J., den, Drijvers J. W., Hengst D., den, Teitler H. C. Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVIII. Leiden; Boston, 2011. P. 96–97.

¹⁶ Faustina // PLRE. Vol. 1. P. 326.

¹⁷ Flaviana 1 // PLRE. Vol. 1. P. 342.

¹⁸ Clematius 2 // PLRE. Vol. 1. P. 213–214.

¹⁹ Хотя в «Деяниях» о Дане не сообщается никаких подробностей, следует предположить, что он был весьма знатным человеком, поскольку его личным врагом был сам Руфин – руководитель канцелярии префектуры претория Иллирика (*apparitionis praefecturae praetorianae... princeps*) (Amm. Marc. XVI. 8. 3). В связи с этим Дж. Рольфе, автор одного из английских переводов «Деяний», скорее всего, был неправ, считая Дана «каким-то рабом» (см.: Ammianus Marcellinus / Transl. by J. C. Rolfe. Vol. 1. London; Cambridge (Mass.), 1935. P. 233).

²⁰ Antoninus 4 // PLRE. Vol. 1. P. 74–75.

²¹ Baldwin B. Some Addenda to the Prosopography of the Later Roman Empire // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1976. Bd. 25. H. 1. S. 119.

²² Hormizdas 3 // PLRE. Vol. 1. P. 443–444.

²³ Anonima 26 // PLRE. Vol. 1. P. 1040.

²⁴ Aginatius // PLRE. Vol. 1. P. 29–30.

можем констатировать только в 8 случаях из 13 (чуть более 60 %), причем из оставшихся пяти фигур три – это рабыни (или жены рабов), говоря о которых, Аммиан указывает лишь имена их хозяев. Следует также заметить, что все пять героинь «Деяний», имеющих низкий социальный статус, упоминаются Аммианом Марцеллином лишь постольку, поскольку они в силу обстоятельств оказались причастны к отношениям между знатными особами; в противном случае в сочинении Аммиана на их существование не содержалось бы и намека.

Вместе с тем, иногда Аммиан использует условные или же собирательные женские образы, не имея в виду кого-либо конкретно: жена (*uxor*) какого-либо высокопоставленного лица (Amm. Marc. XIV. 1. 7; XXVIII. 4. 26); «матроны» (*matronae*) (Amm. Marc. XIV. 6. 16; XXVIII. 4. 33); «женщины высокого происхождения» (*feminae... originis altae*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28); христианские монахини (*virgines Christiano ritu cultui divino sacratae*) (Amm. Marc. XVIII. 10. 4); жены Констанция II (Amm. Marc. XXI. 16. 16); «мимические актрисы» (*mimae*), «танцовщицы» (*saltatrices*) (Amm. Marc. XIV. 6. 19); «многочисленные женщины с завитыми волосами, полирующие ногами мозаичные полы, кружась в стремительном танце и изображая бесчисленные образы» (т.е. танцевальные актрисы) (*feminae... multae... curritae... pedibus pavimenta tergentes iactari volucriter gyris, dum exprimunt innumera simulacra*) (Amm. Marc. XIV. 6. 20); проститутки (Amm. Marc. XXVIII. 4. 9). В ряде мест женщины Аммианом прямо не упоминаются, но их присутствие явно подразумевается. В частности, речь идет о сюжетах, в которых жители тех или иных населенных пунктов или областей выступают как целостный коллектив, единство которого (чаще всего – перед лицом смертельной опасности) автор желает подчеркнуть. В таких ситуациях историк употребляет обороты «без различия пола» (*sine sexus discrimine*) (Amm. Marc. XIX. 8. 4; XXIV. 4. 25), «обою пола» (*utriusque sexus*) (Amm. Marc. XIX. 2. 14; XXIV. 2. 21), «всякого возраста и пола» (*aetas omnis et sexus*) (Amm. Marc. XXII. 2. 4), «без различия возраста и пола» (*sine distantia enim aetatis uel sexus*) (Amm. Marc. XXXI. 6. 7), имея в виду в равной степени как мужчин, так и женщин.

Анализируя сведения, сообщаемые Аммианом Марцеллином об участии женщин в описываемых им событиях, не может не броситься в глаза явный диссонанс между ожидаемой (идеальной) и реальной ролями женщин в общественной жизни. Ярче всего этот мотив звучит в рассказе о жестоких репрессиях, осуществлявшихся цезарем Галлом при активном содействии со стороны своей супруги Константины; Аммиан пишет: «Упорное стремление выведывать тайны все росло, благодаря поощрению со стороны царицы [Константины. – В. Д.], толкавшей своего мужа в пропасть; а ей следовало бы, по свойственной женской природе мягкости, вернуть его полезным советом на путь правды и гуманности, как поступала некогда супруга Максимиана, памятного своею жестокостью государя» (Amm. Marc. XIV. 1. 8) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). В целом ряде других мест Аммиан, пусть и не так явно, также дает понять, что поведение подавляющего большинства римлянок (причем самого разного социального статуса), с его точки зрения, совсем не соответствует нормам морали.

В этом следует видеть не только влияние гендерных стереотипов и установок, свойственных Аммиану как представителю мужской части римского социума, исповедующему консервативные «отеческие» ценности, но и его хорошо известную склонность к критике нравов современного ему общества, иногда переходящей в откровенное морализаторство²⁵. Справедливости ради нужно сказать, что в данном отношении Аммиана нельзя назвать сексистом: по его мнению, образ жизни и поступки современных ему мужчин (за исключением разве что императора Юлиана и еще 2-3-х персонажей, да и то с оговорками) не менее далеки от исповедуемых историком нравственных идеалов.

Говоря о гендерных представлениях, отразившихся в сочинении Аммиана Марцеллина, нельзя не отметить, что историк – в полном соответствии с традиционным

²⁵ Соболевский С. И. Историческая литература III–V вв. // История римской литературы. Т. 2. М., 1962. С. 434; Удальцова З. В. Мироззрение Аммиана Марцеллина // Византийский временник. 1968. Т. 28. С. 38–58; Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974. С. 46; Gimazane J. Ammien Marcellin: sa vie et son œuvre. Toulouse, 1889. P. 316–399; Thompson E. A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947. P. 132; Demandt A. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn, 1965. S. 11–12; Seager R. Ammianus Marcellinus. Seven Studies in his Language and Thought. Columbia (MO), 1986; Blockley R. Ammianus' Marcellinus's Use of Exempla // Florilegium. 1994. P. 53–64; Brandt A. Moralische Werte in den Res gestae des Ammianus Marcellinus. Göttingen, 1999.

для античности сугубо маскулинным взглядом на мир²⁶ – считает женщин созданиями заведомо более низкого порядка, чем мужчины. Это проявляется, прежде всего, в употреблении им экспрессивно окрашенных выражений, негативная смысловая денотация которых обусловлена свойствами, традиционно приписываемыми женской натуре. Например, императора Констанция II автор «Деяний» упрекает за то, что тот сочетал «совершенную и простую» христианскую религию со «старушечьим суеверием» (*anilis superstitio*) (Amm. Marc. XXI. 16. 18), а поступок Ассирии, написавшей своему мужу письмо, в котором она неосторожно намекала на императорские (скорее всего, несуществующие) амбиции супруга и которое стало главной причиной казни их обоих, Аммиан Марцеллин объясняет очень просто – «женской глупостью» (*vanitas muliebris*) (Amm. Marc. XVIII. 3. 1).

В то же время, Аммиан полагает, что, по сравнению с мужчинами, женщины (по крайней мере, знатного происхождения) заслуживают более мягкого и гуманного к себе отношения. Так, описывая волну террора, обрушившегося на жителей Рима в 368 г., историк специально отмечает тот факт, что «такие же бедствия распространялись и на женщин» (*ne minus feminae quoque calamitatum participes fuere similitum*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28). Далее Аммиан повествует о вопиющих, по его мысли, случаях, когда почтенные римские матроны подвергались преследованиям и жестоким пыткам (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28, 47), которые он характеризует как тяжкое злодеяние (*nefas*) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 28). Ту же мысль Аммиан Марцеллин проводит и тогда, когда, рассказывая о военных событиях, сообщает об уничтожении жителей захваченных городов «без различия пола». Судя по контексту, Аммиан, указывая на убийство не только мужчин, но и женщин, тем самым, подчеркивал особую жестокость завоевателей – причем как противников империи в лице персов (Amm. Marc. XIX. 8. 4) или готов (Amm. Marc. XXXI. 6. 7), так и самих римлян (Amm. Marc. XXIV. 4. 25). Впрочем, в последнем случае упоминание о поголовном истреблении населения вражеских территорий наполнено, скорее, позитивным смыслом и призвано продемонстрировать воинскую доблесть римской армии, утверждающей таким путем величие и могущество Рима²⁷.

Как было отмечено выше, женщины сами по себе Аммиана как историка не интересовали: они всегда выступают в «Деяниях» как сопутствующие персонажи и лишь постольку, поскольку имели какое-то более или менее заметное отношение к судьбе мужчин. Каким же был «женский фактор» в жизни римского общества с точки зрения Аммиана Марцеллина?

Здесь наш историк остается верен себе: из всех, перечисленных выше, римлянок лишь одна (!) была удостоена им исключительно положительной характеристики – ею оказалась супруга Ормизда, состоявшего на римской службе сына персидского царевича, «богатая и знатная женщина, которая своим внушавшим уважение поведением и прославившей ее настойчивостью впоследствии спасла своего мужа в крайне опасном положении» (Amm. Marc. XXVI. 8. 12) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни) (о какой именно опасности идет речь, Аммиан не уточняет)²⁸.

²⁶ Кипервар Е. А., Севелова М. А. Предпосылки зарождения представлений о гендере в античной философии // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 82–84. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что античность являлась, выражаясь словами Ж. Липовецкого, эпохой «первой женщины», когда женщина воспринималась как «необходимое зло, втиснутое в рамки лишенных всякой привлекательности занятий; это низшее существо, систематически недооцениваемое или же презираемое мужчинами» (Липовецкий Ж. Третья женщина: Незыблемость и потрясение основ женственности / Пер. с фр. Н. И. Полторацкой. СПб., 2003. С. 340).

²⁷ Так, безжалостное, без различия пола и возраста (*virile et muliebre secus sine aetatis ullo discrimine*), истребление варваров-германцев, которых Аммиан уподобляет скоту (*ut pecudes*), названо в «Деяниях» «достопамятным деянием» (*facinus memorabile*) (Amm. Marc. XVI. 11. 9), а резня, учиненная римскими солдатами во взятой ими штурмом персидской крепости Майозамальхе, в ходе которой «разгневанные победители рубили всех, не различая ни пола, ни возраста» (Amm. Marc. XXIV. 4. 25), характеризуется Аммианом как «славное» (*gloriosus*) дело (Amm. Marc. XXIV. 4. 31).

²⁸ Общее положительное отношение Аммиана к Ормизду (и, соответственно, его супруге), возможно, было обусловлено знакомством писателя с отцом последнего (см.: Дмитриев В. А. Аммиан Марцеллин и персы (восточная цивилизация в восприятии римского историка IV в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003. С. 35, 105, 108), также Ормиздом, который, будучи одним из сыновей шаханшаха Ормизда II (303–309) и братом Шапура II Великого (309–379), ок. 324 г. бежал из Ирана в Рим, спасаясь от преследований со стороны персидской знати (Seeck O. Hormisdas (3) // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Bd. 8. Hbd. 16. Stuttgart, 1913. Sp. 2410; Seeck O. Sapor (2) // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von

Позитивные оценки, хотя и с существенными оговорками, звучат также в адрес Евсевии, жены императора Констанция II, которая, по словам Аммиана, «выделялась красотой и нравственными качествами и при своем высоком положении проявляла гуманность» (Amm. Marc. XXI. 6. 4) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). За что же ее так высоко ценит автор «Деяний»? Объяснение является весьма простым и не выходит за рамки мировоззрения Аммиана как римского традиционалиста, являвшегося, к тому же, поклонником Юлиана Отступника: в 354 г., когда будущий император-язычник, обвиненный в неповиновении Констанцию II, оказался под угрозой смертной казни, Евсевия спасла ему жизнь, убедив своего супруга пощадить юношу (Amm. Marc. XV. 2. 8). Однако, даже она не избежала критических выпадов со стороны Аммиана Марцеллина, по словам которого именно императрица была виновницей бесплодия супруги Юлиана: «Царица Евсевия подвергала преследованиям Елену, сестру Констанция, жену Цезаря Юлиана, которая была приглашена в Рим под видом сердечного к ней расположения. Будучи сама бесплодной всю свою жизнь, Евсевия коварством заставила ее выпить особое снадобье, чтобы каждый раз, как она забеременеет, у нее случался выкидыш... Такую ревностную заботу прилагали для того, чтобы не дать появиться потомству от доблестного мужа» (Amm. Marc. XVI. 10. 18, 19)²⁹ (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Подавляющее же большинство³⁰ героинь «Деяний» – от представительниц придворной знати до безымянных рабынь – предстают перед нами в качестве обманщиц, интриганок, доносительниц, распутниц, заговорщиц, а то и коварных убийц. Вот лишь несколько примеров. Константина, жена цезаря Галла, «Мегера в человеческом облике» (*Megaera quaedam mortalis*), являвшаяся «не менее жадной до человеческой крови, чем ее супруг» (Amm. Marc. XIV. 1. 2), не только всячески потакала зверствам мужа, но и сама искала для него новые жертвы. Теща знатного александрийца Клемация, не сумев склонить своего зятя к интимной связи, составила на него ложный донос, на основе которого тот был убит без суда и следствия (Amm. Marc. XIV. 1. 3). Жена Дана, решив припугнуть своего мужа и вступив в сговор с его врагом Руфином, обвинила его в оскорблении величества; после расследования дела Дан был оправдан, а вот его супруга и Руфин были казнены (Amm. Marc. XVI. 8. 3–6). Некая повивальная бабка, будучи подкуплена недоброжелателями будущего императора Юлиана (вероятно, императрицей Евсвией), убила его новорожденного сына, слишком коротко урезав ему пуповину (Amm. Marc. XVI. 10. 19). Юная рабыня Ассирии донесла на свою госпожу и ее супруга, в результате чего оба они были казнены (Amm. Marc. XVIII. 3. 1–4). Хилон, бывший викарий, и его жена Максима сфабриковали против нескольких человек обвинение в колдовстве, вследствие чего последние были схвачены и брошены в тюрьму (Amm. Marc. XXVIII. 1. 8). Римская матрона Фаузиана состояла в тайной интимной связи с двумя членами сената – Эвмением и Абиеном, что стало основанием для судебного преследования всех троих; Абиен, уличенный, помимо преступной связи с Фаузианой, еще и в совращении Анепсии, укрывавшей его в своем доме, впоследствии был казнен (впрочем, как и Анепсия, признанная виновной в развратном образе жизни) (Amm. Marc. XXVIII. 1. 48–56).

Помимо описания аморального поведения конкретных женщин, Аммиан изображает типичные, с его точки зрения, картины римской жизни, в которых фигурируют обобщенные женские образы. Историк с нескрываемым презрением пишет о знатных римлянках, которые, подражая мужчинам, беспорядочно мечутся (*discurrunt*) по городским улицам и площадям «с покрытой головой и в наглухо закрытых носилках» (*opertis capitibus et basternis*), окруженные толпами рабов, больше похожими на «разбойничьи шайки» (*praedatorii globi*) (Amm. Marc. XIV. 6. 16), о женах, которые всеми

G. Wissowa. Reihe 2. Bd. 1. Hbd. 2. Stuttgart, 1920. Sp. 2334). В свою очередь, позитивное отношение автора «Деяний» к Ормизду старшему могло быть продиктовано тем, что при императоре Юлиане (являвшем собой, с точки зрения Аммиана, пример идеального монарха) тот был близок ко двору, занимал высокие посты и даже, по некоторым данным, рассматривался в качестве кандидата на персидский трон в случае победоносного завершения Юлианом персидского похода 363 г. (Liban. Ep. 1402).

²⁹ Подробнее о роли Евсевии в придворной жизни см.: Tougher S. Ammianus Marcellinus on the Empress Eusebia: A Split Personality? // Greece & Rome. 2000. Vol. 47. № 1. P. 94–101; Tougher S. The Advocacy of an Empress: Julian and Eusebia // The Classical Quarterly. 1998. Vol. 48. № 2. P. 595–599.

³⁰ Исключение составляют лишь те немногочисленные женские персонажи, которые или вообще не удостоились со стороны Аммиана каких-либо оценочных суждений (Фаустина, Олимпиада, Елена), или же выведены в «Деяниях» не более чем заслуживающими сочувствия жертвами (Кларита, Флавиана, Гезихия, жена раба Анепсии).

правдами и неправдами добиваются от мужей завещания, составленного в их пользу, а затем не могут дождаться смерти своих супругов (справедливости ради следует заметить, что мужья занимались тем же самым) (Amm. Marc. XXVIII. 4. 26).

Особую неприязнь у Аммиана Марцеллина вызывают пользующиеся всеобщим уважением актрисы и танцовщицы³¹, которые, вместо того, чтобы, как приличествует порядочным женщинам, рожать и воспитывать детей, зарабатывают на жизнь исполнением танцев на потеху толпе (Amm. Marc. XIV. 6. 20). Сюда же относятся и римские «жрицы любви»; по словам Аммиана, как только в Риме появляется какая-нибудь новая «продажная девка, или обслуживавшая чернь шлюха из захолустного городка, или торгующая своим выдавшим виды телом проститутка» (*meretrix, aut oppidanae quondam prostibulum plebis, vel meritoria corporis vetus lupa*) (Amm. Marc. XXVIII. 4. 9), она тут же становится объектом внимания со стороны представителей знати, которые «сбегаются наперегонки, пристают ко вновь прибывшей, говорят в качестве похвалы разные сальности, превознося ее, как парфяне свою Семирамиду, египтяне – Клеопатру, карийцы – Артемизию или пальмирцы – Зенобию. И это позволяют себе люди, при предках которых сенатор получил замечание от цензора за то, что позволил себе поцеловать жену в присутствии собственной их дочери, что тогда считалось неприличным» (Amm. Marc. XXVIII. 4. 9) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни)³².

Для Аммиана Марцеллина вообще характерно особое внимание к семейным добродетелям (как женским, так и мужским). Причем, судя по всему, святость супружеских уз он ставил даже выше верности Римскому государству и императору. В этой связи можно вспомнить три сюжета «Деяний». Первый из них представляет собой, фактически, отдельный мини-роман, повествующий об истории знатного жителя Нисибиса Краугазия и его жены, имени которой Аммиан не называет³³. После того, как в плен к персам попала супруга Краугазия, тот сделал все возможное, чтобы воссоединиться с ней даже ценой государственной измены (Amm. Marc. XVIII. 10. 1; XIX. 9. 3–4). Особо Аммиан Марцеллин подчеркивает преданность жены Краугазия своему мужу; женщина, как пишет историк, «горевала при мысли, что ей предстоит переселение как бы в чужой мир без супруга» и «считала для себя одинаково тяжелым как оставаться вдовой, так и вступить в новый брак» (Amm. Marc. XIX. 9. 3, 4) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

Героем второго сюжета является знатный римлянин Антонин, который из-за несправедливого судебного преследования бежал к персам, взяв с собой и всех своих домочадцев (жену, детей, прислугу) (Amm. Marc. XVIII. 5. 2, 3). Примечательно то, что в обоих случаях поступки своих героев, объективно являющихся государственными преступниками, Аммиан в значительной мере оправдывает – он, хотя и отмечает, что и Краугазий, и Антонин фактически совершили предательство, тем не менее, ясно дает понять, что всему виной стало неблагоприятное стечение обстоятельств (а в отношении Аммиана к Краугазию и его супруге чувствуется даже нескрываемое сочувствие).

К «семейным историям» Краугазия и Антонина примыкает пассаж, посвященный еще одной супружеской паре – Ормизду (сыну бежавшего в 324 г. в Рим персидского царевича) и его жене³⁴. Когда она, сопровождая мужа во время одной из военных кампаний, случайно оказалась под угрозой пленения вражескими солдатами, Ормизд, как пишет Аммиан, проявил «большую доблесть» (*tantus vigor*) и сумел спасти ее, выпустив по

³¹ Как пишет Аммиан, однажды по причине нехватки продовольствия из Рима были изгнаны «чужестранцы, представители знания и науки, хотя число их было весьма незначительно»; в то же время «оставлены были прислужники мимических актрис и те, кто выдали себя за таковых на время; остались также три тысячи танцовщиц со своими музыкантами и таким же числом хормейстеров» (Amm. Marc. XIV. 6. 19) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

³² Возможно, многие из критикуемых Аммианом моделей женского поведения были, помимо реалей, навеяны творчеством Катона Старшего, также известного своим морализмом (см.: Mastrorosa I. G. *Beyond Rhetoric: Echoes of Cato's Moralism in Ammianus' Res Gestae* // *Cahiers des études anciennes*. 2013. Vol. 50. P. 115–137).

³³ Weisweiler J. *Unreliable Witness: Failings of the Narrative in Ammianus Marcellinus* // *Literature and Society in the Fourth Century AD: Performing Paideia, Constructing the Present, Presenting the Self* / Ed. by L. van Hoof and P. van Nuffelen. Leiden, 2014. P. 121–129.

³⁴ См.: Boeft J., den, J. W. Drijvers, Hengst D., den, Teitler H. C. *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVI*. Leiden; Boston, 2008. P. 232–233.

врагу тучу стрел (*uxor sagittarum nube diffusa defensa*) (Amm. Marc. XXVI. 8. 12)³⁵. При этом следует заметить, что речь идет о событиях, произошедших во время восстания узурпатора Прокопия (365–366), сторону которого принял Ормизд, а воинами, чье нападение отразил последний, являлись бойцы императорской армии, отправленной на подавление мятежа. Иными словами, здесь, как и в двух предыдущих сюжетах, взаимная преданность супругов (жена сопровождает мужа в военном походе, а муж спасает ее от смертельной опасности) ставится Аммианом выше лояльности действующему императору – симпатии нашего автора находятся явно на стороне Ормизда, а не его оппонентов, что тем более показательно для Аммиана, являвшегося решительным противником разного рода узурпаций, восстаний, мятежей и вообще всяких покушений на власть императора и единство империи³⁶. Как было отмечено выше, это – уникальный для Аммиана случай, поскольку здесь он дает женскому персонажу своей книги безусловно положительную характеристику, а обусловлена столь высокая оценка, опять же, ролью женщины как верной супруги, должным образом исполняющей свои моральные обязательства по отношению к мужу.

Тема супружеских отношений звучит и в целом ряде других мест «Деяний», однако, в отличие от описанных выше сюжетов, в них муж и жена демонстрируют, как правило, совсем не добродетельное поведение: они плетут интриги, стряпают доносы, составляют заговоры – как совместными усилиями, так и в отношении друг друга. При этом, с точки зрения Аммиана Марцеллина, уподобление женщин своим супругам (да и вообще мужчинам (Amm. Marc. XIV. 6. 16; XXVIII. 4. 33)) в подобного рода делах является крайне предосудительным: жены, по его мнению, напротив, должны удерживать своих мужей от несправедных, а тем более жестоких поступков (Amm. Marc. XIV. 1. 8).

Итак, Аммиан Марцеллин изображает подавляющее большинство своих современниц несоответствующими нравственным идеалам. В таком случае возникает вопрос: а какие же качества, по его мнению, должны быть присущи женщине? Прямо об этом историк почти ничего не говорит, но, вне всякого сомнения, изображая яркую картину упадка нравов в современном ему римском обществе, он ясно дает понять, что в идеале все должно быть с точностью до наоборот. Отсюда можно сделать вывод, что, согласно Аммиану, добродетельная римлянка должна соответствовать следующему комплексу критериев: высокий социальный статус; наличие семьи, включающей не только мужа, но и детей; сдержанность в словах и поступках; мягкость характера; гуманность (особенно в отношении лиц с более низким социальным положением); женственность; внешняя красота; целомудрие.

Таким образом, для гендерных представлений Аммиана Марцеллина и его современников из числа поборников староримских ценностей и традиций был характерен вполне типичный для античности взгляд на женщину как существо более низкого по сравнению с мужчиной порядка. В общественной жизни Рима женщины, с точки зрения Аммиана, играли в целом отрицательную роль, не соответствуя своему предназначению и во многом уподобляясь мужчинам. При этом если римские матроны и царствующие особы, хотя и редко, все же вызывают у автора «Деяний» определенное уважение (или, по крайней мере, сочувствие), то характеристики представительниц низших слоев общества имеют почти всегда негативный (в лучшем случае – нейтральный) характер. Одной из важнейших социальных ролей женщины для Аммиана Марцеллина является роль благодетельной супруги. Также не может не броситься в глаза морализм Аммиана, проявляющийся в явно завышенных ожиданиях относительно быта

³⁵ Вероятно, авторы «Филологического и исторического комментария к 26-й книге Аммиана Марцеллина» правы, когда утверждают, что здесь имеет место один из часто встречающихся у Аммиана топосов (см.: Voelt J., den, J. W. Drijvers, Hengst D., den, Teitler H. C. *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVI*. P. 232). Действительно, трудно себе представить, чтобы один человек, пусть даже и непревзойденный стрелок из лука (а Ормизд, имевший персидские корни, вполне мог таковым являться (об искусстве персидских лучников см.: Дмитриев В. А. «Всадники в сверкающей броне». Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб., 2008. С. 102–108)), действительно смог выпустить «тучу стрел» (*sagittarum nubes*). Однако это не меняет сути совершенного Ормиздом самоотверженного поступка.

³⁶ Так, говоря об успехах Констанция II в гражданских войнах, Аммиан пишет, что этот правитель «был весь забрызган гноем, истекавшим из внутренних нарывов государства», а сами эти успехи называет «достойными скорее сожаления» (Amm. Marc. XXI. 16. 15) (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Того же Прокопия автор «Деяний» вполне однозначно характеризует как «мятежника и противника внутреннего спокойствия» (*rebellis et oppugnator internae quietis*) (Amm. Marc. XXVI. 9. 10).

и нравов римского общества и вытекающей отсюда резкой критике образа жизни современных ему римлян – не только женщин, но и мужчин.